
ИНТЕРАКТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ:

НЕМЕЦКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ,
РУССКИЙ ЯЗЫКИ

Проблемы, задания, тесты

Автор-составитель О.А. Кострова

Рекомендовано УМО по специальностям педагогического образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 033200 — иностранный язык

Москва «Высшая школа» 2007

ванность в типологическом
 ственность в русском языке?
 аще: маркированные или не-

ю иерархичность? Приведите

сию существительного в рус-
 ыках.
 различий в системе личных
 и английского языков.
 освенным объектом? Универ-

сий в именной группе в анг-

раженность семантических
 азличие направления и ме-
 е; неразличение инструмен-
 ние локативности в русском?
 ссимилиации заимствованных
 сском языках.

ания генитива в немецком и
 нципиальная разница?

еские разряды прилагатель-
 ах. Чем возмещается слабая
 льных прилагательных в не-

зыка: морфологическую пе-
 х.
 кированности для немецко-

олной форм прилагательно-
 кий пространственный дейк-
 — там? В каких случаях он

пространство русские дейк-
 руху — вверху — наверху, соот-
 Высоко забрался! Положи сал-
 у носились ласточки.

16. Почему Р.О. Якобсон называет некоторые категории глагола *шифтерами*?
17. Какие глагольные категории отсутствуют в русском языке, а какие в немецком и английском?
18. Как вы понимаете «таксис»?
19. Что такое «нарративный контекст»?
20. Какова структура ФСП личности в немецком и русском языках?
21. В чем состоит специфика немецкого конъюнктива по сравнению с русским сослагательным наклонением?

Тексты для чтения и реферирования

1. Общие проблемы

Языковые универсалии и типологические различия

В поисках универсалий мы еще не рассмотрели последнюю область — область морфологии, однако и она доставляет одни разочарования. Именно здесь урожай оказывается особенно скудным, но как раз по этой причине именно из морфологии мы можем извлечь наиболее ценные уроки. В области морфологии различия оказываются наиболее значительными. В этом отношении языки напоминают виды животного и растительного мира; они сходны по своим функциям и по тому месту, которое они занимают между говорящими на них людьми и миром, о котором на них говорится, однако совершенно необязательно, чтобы формы разных языков были подобны. В языках должны быть слова, наделенные смыслом и разлагаемые на отдельные звуки — вот единственное основополагающее требование, оно ни в коей мере не предполагает, что структура слов должна быть однообразной. В отличие от современности, в XIX и в начале XX вв. типологические исследования и поиск универсалий никак не связывались между собой, первое не предполагало второго. Зачатки типологической классификации языков мы находим у

братьев Фридриха и Августа-Вильгельма Шлегелей (1808 и 1818); в период между 1833 и 1921 гг. она была разработана в трудах В. фон Гумбольдта, Ф. Боппа, А.Ф. Потта, А. Шлейхера, Х. Штейнталя, Ф. Мистели, Ф.Н. Финка, Р. де ла Грассери и Э. Сепира. Многие лингвисты и не-лингвисты пользуются ею и поныне. В этой классификации выделяются флективные, агглютинативные и изолирующие языки.

Во флективных языках слова представляют собой сочетания корней и аффиксов, причем на стыке между ними наблюдается фузия, как в именах (типы склонения), так и в глаголах (типы спряжения). На латыни говорили *tempus* «время», но *temporis* «времени», во французском противопоставлены *savons* «(мы) знаем» и *sais* «(я) знаю». К агглютинативным языкам относятся те, в которых слова образуются путем простого соположения корней и аффиксов, причем на границе между ними никаких изменений не происходит; французскому *des maisons* «домов» в турецком соответствует *ev-ler-in*, то есть «дом-множественное число-генитив». В изолирующих языках слова не изменяемы и не разложимы (хотя и в них имеется словосложение и словообразование), а на связи между словами указывает их взаимное расположение. Так обстоит дело в мандаринском китайском, где *gěi* значит «давать» или же соответствует французскому предлогу *à*, вводящему косвенное дополнение, а *yòng* значит «использовать» или «с помощью чего-либо» в зависимости от их положения во фразе. Кроме того, в отличие от языков других типов, слова изолирующих языков обнаруживают тенденцию к односложности. Некоторые лингвисты, в том числе Потт, следуя предложению, сделанному в 1819 г. эрудитом франко-американского происхождения П.С. Дю Понсо, добавили четвертый тип, названный полисинтетическим. Он хорошо представлен в языках американских индейцев; в этих языках к одному корню добавляется определенное число аффиксов, как с конкретным, так и с грамматическим смыслом, способом, именуемым инкорпорацией. В результате наблюдается частое совпадение слова и предложения.

Нетрудно заметить, что в данной типологической классификации, в принципе основанной на морфологии, используются и синтаксические критерии. Кроме того, в этой классификации в неявной форме присутствует идея эволюционизма: флективные языки ставятся на вершину иерархии, в то время как в действительности изменения в языках носят циклический характер, и изолирующие

языки, вроде китайских, вроде китайскими. И наконец, только к одному типу: большинство языков, присущих этой тройной мере, то достоинств, то недостатков от одного языка. места универсалии. сти. Если же по дороге на теоретическое раничения, то пропущены совокупности. бует наличия форм. совершенно беспо.

Согласно рации. носят врожденный. пирически верифи. ется степень своео. тельных свойств, т. тикую врожденного. формальных или с. ка по поводу врож. му универсалии до. ностей человеческ. нельзя считать, что. ми во всех языках. человек, когда на. врожденного знан. пользуются языки. этой теории избир. ки, но и в этом слу. известный экспери. что можно предуга. в том, что способн. мости, в результат. лась вписанной в. как и другая спосо. но, языковая спосо.

ельма Шлегелей (1808 и 1818); в
ла разработана в трудах В. фон
А. Шлейхера, Х. Штейнталя, Ф.
ссери и Э. Сепира. Многие лин-
ею и поныне. В этой классифи-
глютинативные и изолирующие

представляют собой сочетания
ыке между ними наблюдается
ия), так и в глаголах (типы спря-
«время», но *temporis* «времени»,
ы *savons* «(мы) знаем» и *sais* «(я)
и относятся те, в которых слова
нения корней и аффиксов, при-
ких изменений не происходит;
в турецком соответствует *ev-ler-*
сло-генитив». В изолирующих
зложимы (хотя и в них имеется
, а на связи между словами ука-
Так обстоит дело в мандаринс-
ть» или же соответствует фран-
свенное дополнение, а *yǒng* зна-
ю чего-либо» в зависимости от
го, в отличие от языков других
обнаруживают тенденцию к од-
и, в том числе Потт, следуя пред-
дитом франко-американского
бавили четвертый тип, назван-
ю представлен в языках амери-
одному корню добавляется оп-
конкретным, так и с граммати-
мым инкорпорацией. В резуль-
е слова и предложения.

й типологической классифика-
фологии, используются и син-
в этой классификации в неяс-
ционизма: флективные языки
время как в действительности
ский характер, и изолирующие

языки, вроде китайского, по всей вероятности, были когда-то флек-
тивными. И наконец, предполагается, что каждый язык относится
только к одному типу, на самом же деле ситуация далеко не так про-
ста: большинство языков обнаруживает одновременное присутствие
свойств, присущих разным типам. Несмотря на все эти недостат-
ки, данная тройная (или четверная) классификация имеет, по край-
ней мере, то достоинство, что она показывает, насколько слова раз-
нятся от одного языка к другому. Таким образом, в морфологии нет
места универсалиям, в ней мы наблюдаем максимум вариативно-
сти. Если же по другую сторону определенного таким образом по-
рога на теоретически возможное разнообразие накладываются ог-
раничения, то происходит это по той причине, что все языки надел-
ены совокупностью одинаковых функций, и их выполнение тре-
бует наличия формальных структур, которые не могут варьироваться
совершенно беспорядочным образом.

Согласно рационалистическим представлениям, универсалии
носят врожденный характер. Если же мы рассматриваем их как эм-
пирически верифицируемые гипотезы, с помощью которых изуча-
ется степень своеобразия тех или иных языков на фоне общеобяза-
тельных свойств, то тем самым мы оставляем в стороне проблема-
тику врожденного знания. Не может быть и речи о врожденных
формальных или субстанциальных универсалиях. Однако полеми-
ка по поводу врожденного знания вовсе нам не безразлична. Поче-
му универсалии должны быть единообразным продуктом особен-
ностей человеческого разума, наследуемых генетически? Почему
нельзя считать, что в действительности мы имеем дело со сходны-
ми во всех языках реакциями на те ситуации, в которые попадает
человек, когда начинает общаться с другими людьми? В теории
врожденного знания не учитывается, каким образом реально ис-
пользуются языки. Своим предметом исследования сторонники
этой теории избирают языковую способность, а не конкретные язы-
ки, но и в этом случае их утверждения весьма спорны. Один давно
известный эксперимент отрицательным образом подтверждает то,
что можно предугадать на основе повседневных наблюдений. Дело
в том, что способность к жизни в обществе, которая, по всей види-
мости, в результате эволюции, длившейся сотни тысяч лет, оказа-
лась вписанной в генетический код человека (см. главу 1), равно
как и другая способность, развившаяся параллельно первой, а имен-
но, языковая способность, для своего проявления требуют нали-

чия человеческого коллектива. В эксперименте же, о котором идет речь, мы имеем дело с детьми, выросшими вне общества, среди дикой природы; когда их извлекают из привычной им среды, то приходится прилагать немалые усилия, чтобы приучить их к жизни в человеческом обществе. Таким образом, языковая способность проявляет себя в общении только в условиях общественной жизни. Разумеется, у языковой способности есть и иные функции, кроме коммуникативной. Но если ее и можно охарактеризовать как некую автономную способность, то как вид человек определяется лишь в обществе. Так, обозначение самого себя и других людей в акте общения — универсальное явление, независимо от того, осуществляется ли оно посредством личного местоимения, глагольной формы или совсем иным способом. Человек способен сделать это лишь потому, что некое «я» говорит «ты» другому «я», которое, в свою очередь, обращается к первому «я» на «ты». Если и существуют какие-либо универсалии, то объяснить их целесообразность можно лишь с помощью тех инстанций, что вступают в диалогические отношения. (С. 64–66)

(Из: Клод Ажеж. *Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки*)

William Croft
Modern Syntactic Typology

Grammatical Hierarchies and Typological Prototypes

The concept of an unmarked member of a grammatical (including phonological) category is an abstraction that subsumes cross-linguistic generalizations based on grammatical structure, inflection, grammatical and cross-linguistic distribution, and textual and cross-linguistic frequency. These diverse linguistic properties correlate quite consistently across languages. However, few if any grammatical categories fit the mould of binary-valued marked versus unmarked members. Most categories consist of multiple values, and markedness patterns for different categories frequently interact. The concepts of hierarchies and prototypes, defined in typolog-

ical terms based on the morphologists to account for the grammatical categories.

Although typological morphosyntactic typological criteria used by typologists are the structural prototypes are the structural ing section. When applied verges even more from the grammatical hierarchies.

A grammatical hierarchical category, such as object < subject < object < hierarchies can be derived as "If a language has a dual form language agrees with an verb agrees with the object the grammatical properties universals are markedness for the number hierarchy behaviour, and that for the of inflectional behaviour also expect to find other archies. For example, the zero singular, plural *-i*, structurally marked relative markedness or dominance marked relative to subject the singular, but unmarked central to Prague S

Typological hierarchies the grammar of human linguistic hierarchical patterns. For example, the relative, and verbal inflection

Grammatical hierarchies must be defined relative to the In addition, there are

в эксперименте же, о котором идет речь, выросшими вне общества, среди животных из привычной им среды, то и люди, чтобы привыкнуть к жизни в новых условиях, должны приобретать новый образ жизни. Таким образом, языковая способность развивается в условиях общественной жизни. Кроме того, существуют и другие функции, кроме коммуникативной, которую можно охарактеризовать как не-коммуникативную. Как вид человек определяется не только функциями, но и отношением к самому себе и другим людям в обществе, независимо от того, осужден ли он, независимо от того, осужден ли он. Человек способен сделать то, что не может сделать животное. Человек говорит «ты» другому «я», которое, в свою очередь, говорит «я» на «ты». Если и существуют другие функции, то объяснить их целесообразность можно тем, что вступают в диалог-

(Из: Клод Ажеж. *Человек говорящий: лингвистика в гуманитарные науки*)

Croft Typological Typology

Typological Prototypes

member of a grammatical (including inflection) that subsumes cross-linguistic typological structure, inflection, grammatical frequency, and cross-linguistic frequency. The relationship between the two categories relate quite consistently across languages. Grammatical categories fit the mould of binomial categories. Most categories consist of two members. Most categories consist of two members for different categories frequently used as prototypes, defined in typolog-

ical terms based on the markedness criteria, have been employed by typologists to account for the more complex relations among members of grammatical categories.

Although typological markedness is not discussed *per se* in modern morphosyntactic typology, I have argued (Croft 1990, chs 5-6) that the criteria used by typologists to establish grammatical hierarchies and prototypes are the structural and behavioural criteria outlined in the preceding section. When applied to hierarchies and prototypes, markedness diverges even more from Prague School theory. We begin here by describing grammatical hierarchies.

A grammatical hierarchy is simply a ranking of members of a grammatical category, such as singular < plural < dual < trial/paucal for number, or subject < object < oblique for grammatical relations. Grammatical hierarchies can be derived from a “chain” of implicational universals, such as “If a language has a trial/paucal form, then it has a dual form; if a language has a dual form, then it has a plural form”; or “If a verb in a language agrees with an oblique, then it will agree with the object; if a verb agrees with the object, then it will agree with the subject.” Moreover, the grammatical properties described by these chains of implicational universals are markedness criteria. For example, the evidence given above for the number hierarchy is an example of cross-linguistic distributional behaviour, and that for the grammatical relations hierarchy is an example of inflectional behaviour (ability to trigger verb agreement). One would also expect to find other markedness criteria to support typological hierarchies. For example, the Chumash pronominal agreement forms have zero singular, plural *-i*, and dual *-i-s*. Cross-linguistically obliques are structurally marked relative to objects, which in turn are structurally marked relative to subjects. Hierarchies represent a relative concept of markedness or dominance; for example, the plural is marked relative to the singular, but unmarked relative to the dual. Hence, the binary opposition central to Prague School markedness must also be abandoned.

Typological hierarchies are manifested in many different aspects of the grammar of human languages. There is the potential for a cross-linguistic hierarchical pattern wherever the grammatical category is manifested. For example, the number hierarchy is manifested in noun, adjective, and verbal inflection.

Grammatical hierarchies demonstrate that markedness asymmetries must be defined relative to other values in the same grammatical category. In addition, there are markedness patterns that must be defined relative

to values in other categories. Two simple examples will illustrate this point. First, a cluster of grammatical values can function as the maximally unmarked form. For example, the least-marked verbal form across languages is almost always the third person, singular, masculine, present, positive, indicative form (cf. Greenberg 1966/7; 68). If any one of these values is different, than the form will be marked. This cluster of properties functions as a "prototype", analogous to prototypes in psychological research (see Rosch 1978). A grammatical form possessing all of the relevant properties is prototypical; lack of one or more of the properties can lead to marked behaviour and loss of category membership. However, no single property is criterial (necessary) for category membership/unmarked status; only the combination as a whole determines membership/markedness.

One of the first and best-known applications of prototype theory was in anthropological linguistics, in the typological study of colour terms. Berlin and Kay (1969) found that although the range of hues covered by a colour term for "green" varied across languages, there is a consistent "focal" – i.e. prototypical – hue that every language applied the term "green" to. The focal or prototypical colour appears to be based in the physiology of the human eye. (In addition, Berlin and Kay discovered that there is a hierarchy of colour terms, so that if a language has a distinct basic colour term for "green", for example, it also has basic terms for "red", "black", and "white".)

A second, quite common pattern is for the markedness properties of values to be reversed subject to the reversal of the value on another parameter. For example, in phonological typology the value "voiceless" is unmarked if the segment type is an obstruent, but marked when it is not (Greenberg 1966b: 24). A markedness reversal is the manifestation of two complementary prototypes: in this example, prototypical obstruents are voiceless, while prototypical sonorants are voiced.

This brief description provides the theoretical machinery necessary for the description of cross-linguistic patterns. The next three sections discuss some of the major morphosyntactic phenomena that have yielded grammatical hierarchies and typological prototype effects, and the sorts of (generally functional) explanations that have been offered for them. (P. 110-112)

(From: *Approaches to Language Typology*.
Ed. by Masayoshi Shibatani and Theodora Bynon)

Kontr

Währen

auf die Geg

chen besch

Erscheinun

phologische

nicht kateg

sprechungs

Aspekts des

wie die nur

stantivs (vg

len Gebrau

Entsprech

lassen sich

der lexicali

dt. *Hand a**halten*, keintreten der *A*

Substantivs

erkennen. *I*

te Substan

neutralen *A**tasche betr**ženščina s b*

Determina

sich auch i

die beiden

ma und R

scheiden: *V**ben. Vera n*

Die Bedeu

2. Флективная морфология

Wolfgang Gladrow

Kontrastive Analysen Deutsch-Russisch: eine Übersicht

Morphologie

Während kontrastive Analysen auf der Ebene der Lexik sich vielfach auf die Gegenüberstellung von Lexemen bzw. Wortfeldern aus beiden Sprachen beschränken können, zeigt sich beim Vergleich von grammatischen Erscheinungen, dass das, was in einer Sprache z. B. in Form einer morphologischen Kategorie grammatikalisiert ist, in der Vergleichssprache nicht kategorialisiert sein muss. Standardbeispiele für ein derartiges Entsprechungsverhältnis zwischen dem Dt. und Russ. sind die Kategorie des Aspekts des russ. Verbs und ihr Fehlen im Dt. (vgl. Andersson 1972) sowie die nur im Dt. vorhandene Kategorie der Determination des Substantivs (vgl. Birkenmaier 1979; Gladrow 1979). Nur für den referentiellen Gebrauch der Substantive im Dt. finden sich im Russ. signifikante Entsprechungen, für die generalisierende Verwendung der Artikelformen lassen sich keine regulären Äquivalente nachweisen. Ebenso findet auch der lexikalisierte Artikelgebrauch in idiomatischen Verknüpfungen wie in dt. *Hand anlegen*, aber *die Hand reichen*, *Atem holen*, aber *den Atem anhalten*, keine formell relevanten Entsprechungen im Russ. Für das Auftreten der Artikelopposition bei der individualisierenden Verwendung des Substantivs lassen sich im Russ. jedoch klare Entsprechungsverhältnisse erkennen. Das durch die Artikelform *ein* als neu erwähnt gekennzeichnete Substantiv muss in der russ. Entsprechung in die Endposition einer neutralen Äußerung rücken, vgl. *Eine junge Frau mit einer großen Aktentasche betrat plötzlich den Hörsaal.* – *Vdrug v auditoriju vošla molodaja ženščina s bol'sim portfelem.* Der Korrelationsmechanismus zwischen der Determination des Substantivs und der Thema-Rhema-Gliederung zeigt sich auch in einem Satz, der durch ein direktes Objekt erweitert ist, vgl. die beiden folgenden Sätze, die sich nur durch die Grenze zwischen Thema und Rhema der Äußerung und durch die Intonationskontur unterscheiden: *Vera napisala recenziju.* – *Vera hatte eine Rezension geschrieben.* *Vera napisala | recenziju.* – *Vera hatte eine/die Rezension geschrieben.* Die Bedeutung der Indeterminiertheit des Objektsubstantivs wird hier nur

durch das erste Beispiel eindeutig signalisiert, im zweiten hingegen, wo die Grenze zwischen Thema und Rhema nach dem Verb liegt, wird markiert, dass das Substantiv *recenzija* durch einen Kontrastakzent hervorgehoben wird und der Satz den Sinn hat, dass Vera eine bzw. die Rezension und nicht etwa eine Reportage geschrieben hatte. Eine derartige Kontrastposition gibt die indeterminierte Bedeutung nicht eindeutig wieder. Dieses Beispiel zeigt anhand einer syntaktisch und suprasegmental sehr einfachen Konstruktion, dass bei der Wiedergabe der Determinationsopposition im Russ. die genaue Konstellation der Thema-Rhema-Gliederung zu berücksichtigen ist und die vielfach in der Fachliteratur zu findende Formulierung, dass ein indeterminiertes Substantiv im Russ. anhand seiner Endposition im Satz zu erkennen sei, die wirklichen Verhältnisse des informationalen Aufbaus russ. Äußerungen vereinfacht. Neben diesen topologisch-prosodischen Ausdrucksmöglichkeiten der Determiniertheit/Indeterminiertheit verfügt das Russ. auch über einige morphologische sowie verschiedene lexikalische Wiedergabemittel (vgl. u. a. Gladrow 1979, 153-232). Die kontrastiv relevanten Unterschiede für die Kasusategorie liegen vorrangig nicht in der Anzahl der Kasus, sondern einmal in den unterschiedlichen syntagmatischen Regularitäten für die Kasusgestaltung (Valenzbeziehungen) und zum anderen darin, dass Kasusrelationen des Russ. im Dt. in Form von Einzellexemen, d. h. von Komposita, ausgedrückt werden können, vgl. *butylka iz-pod moloka* – *Milchflasche*, *pamjatnik Puskinu* – *Puschkindenkmal*, *zavedujuščij kafedroj* – *Lehrstuhlleiter*. Eine systematische kontrastive Analyse der korrelativen Beziehungen zwischen den semantischen Kasus im Sinne von Fillmore und den Oberflächenkasus im Dt. und Russ. steht noch aus, sie ist aber, wie die Beispiele zeigen, von hoher praktischer Relevanz für die Spracherlernung. In dieser Hinsicht muss auch die Differenzierung in Bezug auf die unterschiedliche formelle Realisierung der Numeruskategorie im Dt. und Russ. verstanden werden, vgl. z. B. dt. *die Brille/die Brillen* (Sg. und Pl.) – russ. *očki* (Pluraletantum), dt. *die Masern* (Pluraletantum) – russ. *kor'* (Singularetantum), dt. *die Möhre/die Möhren* (Sg. und Pl.) – russ. *morkov'* (Singularetantum, Kollektivum), zum Letzteren die Ableitung eines Singulativums: *morkovka*. (S. 387-388)

(Aus: *Linguistische Gegenstände IV: Kontraste zwischen Einzelsprachen // Deutsch als Fremdsprache. Ein internationales Handbuch*)

Germ
all the gr
al morph

For e
tinction
past/pres
son singu
he/she/in
distincti

But t
German
man has
phrase, r
des Man
native, a
retains a
(as are a
has four.
whereas
The Ger
bare ste
third pe
The Eng
German
says cor
son/nor
service f

Wha
able sym
English
German
duced it
inflectio
directio
tween th
inflectio
gramma

Inflectional Morphology: A Contrastive Overview

German has richer inflectional morphology than English. In general, all the grammatical distinctions that are drawn within English inflectional morphology are drawn in German as well, though not vice versa.

For example, both English and German express a singular/plural distinction on their nouns (E. *book/books*; G. *Buch/Bücher*). Verbs express a past/present tense distinction (E. *say/said*; G. *sage/sagte*). And third person singular pronouns distinguish masculine/feminine/neuter forms (E. *he/she/it*; G. *er/sie/es*). In these three examples the set of grammatical distinctions drawn in English is identical to that drawn in German.

But there are numerous grammatical distinctions that are drawn in German inflectional morphology which are not drawn in English. German has inflectional morphemes distinguishing four cases within the noun phrase, nominative, accusative, genitive, dative (cf. *der Mann, den Mann, des Mannes, dem Mann(e)* respectively). English has collapsed its nominative, accusative and dative forms into a common *the man*, though it still retains a separate genitive *the man's*. The definite article *the* is invariable (as are adjectives). English therefore has two surface cases where German has four. German still has an indicative/subjunctive distinction in its verb, whereas English employs a single form for both (cf. G. *gab/gäbe, E. gave*). The German verb also carries person and number markings, whereas the bare stem in English is used for all persons and numbers except for the third person singular, and for both imperative and non-imperative forms. The English stem *say* therefore does service for all the following forms in German: *sage, sagst, sagen, sagt, sag, sagen Sie*; while the third person *says* corresponds to *sagt*. In the past tense in English, even the third person/non-third person distinction is lost, and the single form *said* does service for all of *sagte, sagtest, sagten, sagtet* in German.

What we are witnessing in Modern English is the product of considerable syncretism in inflectional morphology relative to Old English. Old English had a morphology very similar to that of German today. And whereas German has preserved its inflectional system largely intact, English has reduced it. Since both languages began life with a common West Germanic inflectional system, and since change in English has been in a consistent direction, towards syncretism, we now have a very precise relationship between the morphologies of the two languages. For each individual area of inflectional morphology (e.g. indicative versus subjunctive marking), the grammatical distinctions drawn in English are a subset, proper or other-

iert, im zweiten hingegen, wo nach dem Verb liegt, wird man Kontrastakzent hervorgehoben. Vera eine bzw. die Rezensionen hatte. Eine derartige Kontrastakzent nicht eindeutig wiederzugeben. Die Determi- nation der Thema-Rhema-Gliederung in der Fachliteratur zu finden. Substantiv im Russ. anzuordnen sei, die wirklichen Verhältnisse vereinfacht. Neben den Möglichkeiten der Determination, auch über einige morphologische Wiedergabemittel (vgl. u. a. die relevanten Unterschiede für die Anzahl der Kasus, sondern die systematischen Regularitäten für die Kasus zum anderen darin, dass Kasus von Einzelexemen, d. h. von Kasus (vgl. *butylka iz-pod moloka* – *denkmal, zavedujuščij kafedra*). Kontrastive Analyse der korrelativen Kasus im Sinne von Fillmore und Russ. steht noch aus, sie ist von praktischer Relevanz für die Differenzierung in der Realisierung der Numeruskategorie. z. B. dt. *die Brille/die Brillen*, dt. *die Masern* (Pluraletantum), *die Möhre/die Möhren* (Sg. und Pl.ektivum), zum Letzteren die S. 387-388)

Verhältnisse zwischen Einzelsprachen //
Ein internationales Handbuch)

wise, of those drawn in German. And if we consider the total set of grammatical distinctions that are drawn in the inflectional morphologies of the two languages (past/present tense, 1st/ 2nd/3rd person agreement on the verb, nominative/accusative/genetive/dative case, etc.), the set of distinctions drawn in English is properly included in that of German.

Notice that our proper inclusion generalisation is being defined in terms of grammatical distinctions that are drawn within the grammar. The precise number and nature of the inflectional morphemes that one or the other language employs is not directly relevant. Thus, German has more plural allomorphs than English: *-e*, *-er*, *-n*, *-en*, stem vowel mutation plus *-e*, stem vowel mutation plus *-er*, stem vowel mutation alone, are all productive in German and correspond to the phonologically conditioned [-s]/[-z]/[-Iz] allomorphs of English. But no predictions are being made for these different quantities of morphemes. Nor do we require that every single lexical item in German must necessarily be capable of carrying more or equal inflectional morphemes appropriate to its grammatical category, compared with English. Our contrastive generalisation is defined on grammatical distinctions that are derived from whole classes of nouns or verbs etc. in the two languages. The fact that the individual lexeme *Onkel* in German may be both singular and plural, whereas English makes a distinction between *uncle/uncles* is not a counterexample to the purported identity between the two languages with respect to the expression of a singular/plural distinction. But if, for example, English still preserved a singular/plural/dual distinction in its pronoun system, in contrast to the singular/plural dichotomy of modern German, this clearly would be a counterexample to the proper inclusion claim. (P. 11-12)

The Semantic Consequences of the Loss of Inflectional Morphology

The loss of inflectional morphology in the history of English has resulted in one of the most obvious contrasts with Modern German, and has preoccupied historians of English. Sapir (1921:168) refers to it as "the drift towards the invariable word". German has not remained unchanged, of course: there has been some morphological syncretism (e.g. in the weak adjective paradigm); there has been a decline in the *use* of certain forms (e.g. genitive and dative case, cf. Section 2.3.2); there has been an expansion in the number of items in certain inflectional paradigms, and a decline in others (e.g. the mixed strong and weak paradigm for feminine nouns (cf.

Frau) has exp
phemes have
theless, as re
tinctions (cas
in the inflect
was in Old H
word in Engl
position in th
(1921: 166 a
which we sha
a profound c
vational mor
many discuss

This
word, as
number
establish
variable
ings that
tions tha
not affec
being fe
tends to
... is suff
able can
from *ab*
highly u
er, *henc*
they im
words w
repeat a
irritates
(*Where*
nuance
(1921: 1

In mor
semantic n
phemes in
mational for

consider the total set of grammatical morphologies of the 3rd person agreement on the case, etc.), the set of distinctions that of German.

Realisation is being defined in German within the grammar. The morphemes that one or the other. Thus, German has more *-en*, stem vowel mutation plus *-l* mutation alone, are all phonologically conditioned [-s]/Predictions are being made for Nor do we require that every be capable of carrying more to its grammatical category, Realisation is defined on grammatical classes of nouns or verbs individual lexeme *Onkel* in whereas English makes a distinction to the purported respect to the expression of a simple, English still preserved a plural system, in contrast to the German, this clearly would be a problem. (P. 11-12)

Realisations Morphology

The history of English has resulted in Modern German, and has Sapir (1921: 168) refers to it as "the drift towards a fixed position in the sentence, determined by the syntactic relation of the word" (1921: 166 and 168), i.e. for the fixing of Subject-Verb-Object word order, which we shall be discussing further in Chapter 3. But he makes in addition a profound observation about the semantic effects of inflectional and derivational morphology loss, which seems to have gone quite unnoticed in the many discussions of his drift theory:

Frau) has expanded; and the phonological forms of many inflectional morphemes have changed, due to independent phonological processes. Nonetheless, as regards the morphology itself, the number of grammatical distinctions (cases, past/present tense, indicative/subjunctive, etc.) made within the inflectional morphology of Modern German is almost exactly as it was in Old High German. Sapir argues that this drift towards the invariable word in English is also responsible for the "correlative drift towards ... fixed position in the sentence, determined by the syntactic relation of the word" (1921: 166 and 168), i.e. for the fixing of Subject-Verb-Object word order, which we shall be discussing further in Chapter 3. But he makes in addition a profound observation about the semantic effects of inflectional and derivational morphology loss, which seems to have gone quite unnoticed in the many discussions of his drift theory:

This striving for a simple, unnuanced correspondence between idea and word, as invariable as may be, is very strong in English. It accounts for a number of tendencies which at first sight seem unconnected. Certain well-established forms, like the ... plural *-s of books*, have resisted the drift to invariable words, possibly because they symbolize certain stronger form cravings that we do not yet fully understand. It is interesting to note that derivations that get away sufficiently from the concrete notion of the (stem) ... are not affected by this elusive drift. As soon as the derivation runs danger of being felt as a mere nuancing of, a finicky play on, the primary concept it tends to be absorbed ..., to disappear as such ... *Goodness*, a noun of quality, ... is sufficiently spaced from *good* itself not to fear absorption. Similarly, *unable* can hold its own against *able* because it ... is psychologically as distinct from *able* as is *blundering* or *stupid*... . Another instance of the sacrifice of highly useful forms to this impatience of nuancing is the group *whence, whither, hence, hither, thence, thither*. They could not persist in live usage because they impinged too solidly upon the circles of meaning represented by the words *where, here* and *there*. In saying *whither* we feel too keenly that we repeat all of *where*. That we add to *where* an important nuance of direction irritates rather than satisfies. We prefer to merge the static and the directive (*Where do you live?* like *Where are you going?*)... Now, ... we do not object to nuances as such, we object to having the nuances formally earmarked for us. (1921: 169-70)

In more modern parlance, invariable words, and the absorption of semantic nuances, result in greater ambiguity (or vagueness) for the morphemes in question. I.e. the range of meanings covered by English grammatical form classes is larger than it was, and larger than in German. Dis-

tinct forms for the directional/static opposition have merged into ambiguous (or vague) undifferentiated forms: *where/whither* has been replaced by *where* alone. This same directional/static Opposition lives on in German *in hinter den Tisch* (Acc: directional) and *hinter dem Tisch* (Dat: static), both of which correspond to the invariable *behind the table* in English (cf. also example 2.9c). The definite article in English now does service for, and is semantically neutral to, all genders, cases and numbers, whereas German has six definite article forms (cf. Section 2.2.1) dividing up the same grammatical and semantic terrain to which English is neutral. Indicative and subjunctive have merged in English by and large, with the indicative carrying both sets of meanings, whereas in German they are kept apart to a much greater extent (cf. E. *gave*, G. *gab/gäbe*). And the English verb stem (e.g. *say*) is now compatible with all persons and numbers (except for the 3rd person Singular) and with imperative and non-imperative meanings, whereas German makes many distinctions here (cf. *sage/sagst/sagen/sagt/sag*).

On the other hand, it is interesting that certain morphological distinctions have not been lost in English. As Sapir notes, the singular/plural distinction on nouns is still alive and well. The present tense/past tense distinction (*say/said*) is still made in both languages. And gender in third person pronouns (*he/she/it*) is also retained. (P. 26-27)

The Uses of the Cases

All the major handbooks of German devote many pages to a discussion of the various uses of the four cases. The assignment of case to a noun phrase seems to be largely determined by the choice of accompanying verb, adjective or preposition. More precisely, let us follow Emonds (1976:13) in defining a "phrasal category" as a category that can dominate NP by virtue of applying base rules. I.e. sentence (S), verb phrase (VP), adjective phrase (AP), prepositional phrase (PP) and noun phrase (NP) are all phrasal categories. We will further define the verb (V), adjective (A), preposition (P) and noun (N) as "heads of phrase" within their respective phrasal categories (cf. Jackendoff 1977, Gazdar and Pullum 1981 and Hawkins 1984 for further discussion of the notion "head"). We can then say that the assignment of case to a German NP is dependent on its head of phrase. Using the terminology of Government-Binding Theory (Chomsky 1981, 1982), we can say further that the head of phrase "governs" the NP to which it assigns case, by constituent-commanding it and

assigning the summary, a complete Governme rect comp ment regul tional man

A prep case only, in (2.9a-d)

- (2.9) a.
b.
c.
d.

An ad tive, or da

(2.10) a.

- b.
c.

A pos genitive c

(2.11)

The v gument (2.12a), t sonal cor

c opposition have merged into ambiguous forms: *where/whither* has been replaced by *whither*. Nominal/Static Opposition lives on in German (Nominal) and *hinter dem Tisch* (Dat: static) is an invariable *behind the table* in English. The article in English now does service of *genders, cases and numbers, where* forms (cf. Section 2.2.1) dividing up the terrain to which English is neutral. Assigned in English by and large, with the endings, whereas in German they are (cf. E. *gave*, G. *gab/gäbe*). And the compatible with all persons and numbers (singular) and with imperative and non-personal makes many distinctions here (cf.

stating that certain morphological distinctions. As Sapir notes, the singular/plural distinction is well. The present tense/past tense distinction in both languages. And gender in third person is retained. (P. 26-27)

of the Cases

German devote many pages to a discussion of cases. The assignment of case to a noun is determined by the choice of accompanying verb. More precisely, let us follow Emonds' "category" as a category that can dominate a sentence (S), verb phrase (VP), prepositional phrase (PP) and noun phrase (NP). It will further define the verb (V), adjective (A) and noun (N) as "heads of phrase" within their respective phrases (cf. Jackendoff 1977, Gazdar and Pullum 1980, discussion of the notion "head"). We will see that the assignment of case to a German NP is dependent on the Government-Binding Theory. We will further that the head of phrase "governs" the NP, by constituent-commanding it and

assigning the case in question (cf. Radford 1981: Chapter 10 for a useful summary, and also Chapter 6 below). The term "government" is, of course, a completely traditional notion that has been formalised and defined within Government-Binding Theory. For our purposes here (which involve a direct comparison of surface forms and meaning), the basic case-assignment regularities of German can just as well be illustrated in a quite traditional manner.

Case Assignment in Phrasal Categories

A preposition as head of a prepositional phrase may assign accusative case only, dative case only, either accusative or dative, or genitive case, as in (2.9a-d) respectively:

- (2.9) a. durch das Zimmer; für mich, "through the room; for me"
 b. aus dem Hause, mit mir, "out of the house; with me"
 c. an die/der Wand; auf den/dem Stuhl, "on the wall; on the chair"
 d. trotz des Wetters; während des Jahres, "despite the weather; during the year"

An adjective within the adjective phrase may assign accusative, genitive, or dative case, as in (2.10a-c) respectively:

- (2.10) a. Ich bin ihn los.
 "I am him rid", i.e. I am rid of him.
 b. Er ist dieser Taten schuldig.
 "he is of these deeds guilty", i.e. guilty of these deeds
 c. Sie ist ihrem Vater ähnlich.
 "she is to her father similar", i.e. similar to her father

A possessor noun phrase modifying a noun as head of phrase receives genitive case:

- (2.11) der Hut der Anna; Annas Hut. "Anna's hat"

The verb exhibits the most complex case requirements. The single argument of a one-place predicate is most typically in the nominative (2.12a), though both accusative and dative are found in so-called "impersonal constructions":

- (2.12) a. Ich schlafe. Ich friere.
 "I am sleeping. I am freezing"
 b. Mich hungert. Mich friert.
 "Me hungers. Me freezes", i.e. I am hungry; I am freezing
 c. Mir ist warm.
 "to me is warm", i.e. I am warm

With two-place predicates the argument corresponding to the English subject is most typically in the nominative, but the second argument may be assigned accusative, dative or genitive. Most verbs take the accusative (2.13a), a not inconsiderable number take the dative (2.13b), and just a handful take the genitive (2.13c):

- (2.13) a. Ich liebe dich. Er sieht meinen Vater. "I love you. He sees my father."
 b. Er hilft mir. Sie antwortete ihrem Vater.
 "He is helping me. She answered her father."
 c. Sie bedarf des Trostes. Er ermangelt der nötigen Kraft. "She needs consolation. He lacks the requisite strength."

In three-place predicate constructions consisting of V and three (prepositionless) NPs, the most common case array is Nom-Acc-Dat, followed by Nom-Acc-Gen, with just a handful of Nom-Acc-Acc:

- (2.14) Nom-Acc-Dat
 Ich schrieb meinem Vater einen Brief. Das rate ich dir.
 "I wrote my father a letter. I advise you (to do) that."
 (2.15) Nom-Acc-Gen
 Man enthob ihn seines Amtes. Er schämt sich seines Sohnes.
 "One relieved him of his office. He shames himself of his son."
 (2.16) Nom-Acc-Acc
 Er lehrt mich eine Sprache. Er hieß mich einen Toren.
 "He is teaching me a language. He called me a fool."

As in English many verbs take prepositional phrases with characteristic (lexically determined) prepositions when expanding on their minimally present argument NPs, e.g.:

- (2.17) a. Ich denke oft *an* dich. "I think often *of* you."
 b. Ich danke dir *für* deinen Brief. "I thank you *for* your letter."
 (P. 22-25)

(From: John A. Hawkins. *A comparative Typology of English and German – unifying the contrasts*)

3. Функционально-семантические поля (ФСП)

Das funktional-semantische Feld der Numeralität

Das funktional-semantische Feld der Numeralität umfasst morphologische, aber auch lexikalische und Wortbildungsmittel, die geeignet sind, Quantitätsverhältnisse der objektiven Realität sprachlich widerzuspiegeln. Das Zentrum des Feldes der Numeralität bildet die morphologische Kategorie des Numerus der Substantive, die auf den sprachlichen Ausdruck dieser Bedeutung spezialisiert ist und sich sowohl im Russ., als auch im Dt. mittels der binären Opposition von Singular und Plural realisiert. Da aber in beiden Sprachen eine einfache Gleichsetzung von Singularform = „Einzahl“ bzw. Pluralform = „Mehrzahl“ („mehr als eins“) auf Grund semantischer Differenzierungen der Numerusformen nicht zulässig ist (vgl. z. B. очки – *die Brille*), wird zur exakteren Abgrenzung der beiden Konstituenten der Kategorie Numerus ein abstraktes, allgemeines Merkmal, das Merkmal der Gegliedertheit des Denotats, zu Grunde gelegt. Wenn dieses Merkmal nachgewiesen werden kann, wird das Denotat als etwas aus mehreren Elementen Zusammengesetztes, als gegliederte Vielheit, betrachtet. Dies ist bei den Formen des Plurals der Fall, die das markierte Glied der Numerusopposition darstellen. Der Singular verhält sich diesem Merkmal gegenüber redundant, lässt es unausgedrückt. In sehr vielen Fällen jedoch bezeichnet die Singularform einen Gegenstand in seiner Ganzheitlichkeit.

Neben den zentralen morphologischen Mitteln zum Ausdruck der Numeralität existieren auch periphere sprachliche Mittel, wie Numeralia, Quantitätsadverbien und -substantive sowie phraseologische Wendungen.

Da die Mehrzahl der russ. und dt. Substantive, mit Ausnahme der Stoffnamen, Abstrakta und Kollektiva, über systemhafte Singular- und